МНЕНИЕ 19.12.2018 | Феликс Л. Эш

От работы дохнут кони. Ну, а я...

В поддержку тридцатичасовой рабочей недели и полноценного сна

Человек, идущий утром по офисному коридору, повсеместно встречает одну и ту же картину: с одной стороны, там есть сотрудники с признаками хронической усталости, которые, зевая в ширину крокодильей пасти, совершают паломничество в направлении кофеварки – чашка, в которую они вцепились двумя руками, напоминает нищенские жестяные кружки для сбора пожертвований за недополученный сон. С другой стороны, имеются такие сотрудники, которые не отреагируют на ваше приветствие, если вы не проорете его им прямо в ухо. Независимо от того, будем мы пытаться скрыть это или нет: усталость на рабочем месте уже давно перестала быть случайным феноменом. Усталость – это побочный эффект неолиберализма, и даже больше: усталость – это то, на что рассчитывает неолиберализм. И общество впадает в болезненное состояние, если прожорливость экономики не находит своего естественного врага в регулировании продолжительности рабочего времени – сообразно современным реалиям и с необходимой устойчивостью. Хуже ситуация только в том случае, если общество так или иначе уже заболело. Это, правда, и для экономики не останется без последствий.

Увеличение гибкости на рынке труда – это не панацея. В тот самый момент, когда возникли понятия «домашний офис» или «сверхурочные часы», канула в Лету среднестатистическая сорокачасовая неделя. Но даже тот, кто педантично соблюдает сорокачасовой рабочий график в офисе, не застрахован от того, что он до или после работы не находится в определенном modus operandi, который каким-то образом должен способствовать переживанию успеха. При этом успех – это прежде всего вопрос интерпретации. Но идет ли речь о семейных обязанностях, о неизменном соревновании в хвастовстве с друзьями в любимом ресторане или всего лишь о давно позабытой книге и запыленных кроссовках – сообразно вольному переложению рекламного слогана одной немецкой сети строительных супермаркетов: всегда есть чем заняться.

Хобби, семья, друзья и достаточный сон практически несовместимы с классическим рабочим графиком «с девяти до шести»

В центре этого парадоксального треугольника из работы, досуга и достаточного времени для сна находится неолиберальная повестка дня, которая требует принятия решения. Под этим подразумевается любой вариант решения в пользу не более чем двух из упомянутых трех возможностей, или точнее: решение против одной из этих трех возможностей. Реальное же триединство – в том виде, в котором оно когда-то предусматривалось в рамках восьмичасового рабочего дня, – является невозможным. Кто хочет спать среднестатистически необходимые восемь часов и одновременно работать с полной занятостью, тому придется смириться с ограничениями в личной жизни. Точно так же хобби, семья, друзья и достаточный сон практически несовместимы с классическим рабочим графиком «с девяти до шести». Все чаще это решение, однако, принимается в пользу работы и досуга, позарез необходимого в качестве баланса. Таким образом, все чаще приходится жертвовать сном.

Основополагающий принцип социально-рыночной экономики, заключающийся в гарантии общественного прогресса за счет результатов экономической деятельности, приобрел ныне самостоятельное значение. Чтобы соответствовать повсеместно утвердившимся ожиданиям прогресса, отдельно взятая женщина или мужчина должны справляться с психологическим давлением, произрастающим из необходимости показывать все более высокие результаты; а это давление в свою очередь завязано на непоколебимую веру в прогресс. И, наконец, в это беличье колесо органично вписался известный феномен самооптимизации. Люди посещают курсы повышения квалификации в нерабочее время, читают специализированную литературу или перестраивают подход к питанию, одеваются в новую одежду и, само собой разумеется, уже ознакомились с документацией XY. В конечном счете этот повсеместно проживаемый сегодня вид самооптимизации является не чем иным, как извечной попыткой оптимально соответствовать текущим требованиям рынка. Но разве реальная самооптимизация, то есть путь к индивидуальному совершенству, не означала бы в том числе и то, что настолько важные компоненты, как сон, которые

касаются как физического, так и умственного здоровья, получат надлежащее внимание? Где досужее потребление и самооптимизация зачастую не находятся в прямом доступе для актуальных инструментов политической деятельности, там трудовая деятельность, приводящая к полному изнеможению от бессонных ночей, буквально умоляет об исправлении ситуации.

Трудовая деятельность, приводящая к полному изнеможению от бессонных ночей, умоляет об исправлении ситуации

Для стимулирования экономического либерализма имеет лишь фигуративное значение то, что в Великобритании, как назло, ведутся разговоры о «гене Тэтчер», чтобы превозносить энтузиазм малоспящих людей. Такие фразы, как sleep is for the weak («сон для слабаков») или «на том свете отосплюсь», и по сей день передаются из поколения в поколение как бессознательные мантры всех известных нам корифеев общественного успеха. Такие предприниматели, как руководитель «Тесла» Илон Маск, такие политики, как Трамп и Меркель, равно как и такие фигуры из сферы развлечений, как актер Дуэйн «Скала» Джонсон, – все они являются видными современными примерами малой потребности в сне.

Разумеется, увлекательно наблюдать за тем, как те, кто ревностно отказывает себе в увлечении горизонтальным положением, в дальнейшем отчасти выделяются за счет этого: для действующего президента США, и без того не отличающегося большой скромностью в озвучивании своих «колоссальных успехов», трехчасовой сон является основой для его достижений. И даже упомянутый Дуэйн Джонсон, адепты которого в одних только социальных сетях охватывают добрую половину всего населения США, пропагандирует свое воздержание от матрасов чуть ли не как жизненную философию. И тот, и другой не одиноки в этом. Давно уже является хорошим тоном даже для офисов средней руки, когда их сотрудники как минимум один раз в день в присутствии других коллег бахвалятся своим рвением и проистекающим из него крайне непродолжительным сном. Полностью раскрепощенная рыночная экономика научилась делать так, чтобы ее жертвы добровольно начинали ее рекламировать.

Но не получится бесконечно педалировать эту мантру. Или лучше сказать так: начиная с сегодняшнего дня больше не получится

педалировать эту мантру. Достаточно изучить данные о растущем количестве тех, кто утратил трудоспособность по причине психических недугов, не говоря уже о том, что стресс и недосыпание влекут за собой также серьезные негативные последствия для физического здоровья.

Регулирование рынка труда, где ключевым моментом будет регламентирование рабочего времени, стало бы первым шагом в верном направлении. К примеру, в направлении давно назревшей тридцатичасовой недели. Наемные работники давно уже пришли к общему знаменателю насчет сокращения рабочего времени. Это как раз опять констатируется в новом отчете Федерального ведомства по охране и медицине труда. Но и без того очевидно, что в последние десятилетия эмоционально-психическое состояние наемных работников, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

В довесок к этому и научные исследования – неизменно и с завидным (пока еще) терпением – обосновывают, что сокращение рабочей недели благоприятно скажется не только на состоянии здоровья, но и к тому же на эффективности труда. И после всего того, что уже известно о механизмах свободной экономики, акцент на увеличении эффективности должен был бы стать бронебойным аргументом, разве нет? В своей книге «Дерьмовая работа», которая была издана этим летом, ученый Дэвид Грэбер также обнародовал информацию о том, какое количество наемных работников убеждены в совершенной бессмысленности своих обязанностей. Так какой же эффективности вообще можно ожидать от того, кто разуверился в осмысленности своей деятельности и к тому же полностью истощен и болен?

Нахождение баланса политическими средствами возможно и обладает достаточным аргументационным обоснованием для оппонирования экономическим интересам

Итак, нахождение баланса в сфере труда политическими средствами возможно, причем без радикального нарушения устоявшихся производственных процессов и даже при наличии достаточного аргументационного обоснования для оппонирования экономическим интересам.

Если следовать вольному переложению принципа самозащиты, тотально либеральная экономика должна быть хотя бы частично ограничена. Механизмы увеличения объема работы, которые к тому же – благодаря определяющей роли самооптимизации – еще и

дополняются потребительски ориентированным досугом, также необходимо сократить в интересах неолиберальной повестки дня.

Это воспринимается как проявление бесчеловечности, когда регулирование в одинаковой мере оправдывается как аргументом здоровья, так и текущими интересами рынка. Вероятно, жесткий прагматизм является причиной того, что допускается подобная власть интересов рынка. А потому если потребности двух сторон, людей и экономики, на пути к более правильному будущему совпадают по крайней мере на начальном этапе, тогда непременно стоит совместно преодолеть этот отрезок пути. Главное – начать движение по нему!

Феликс Л. Эш
Кельн

Феликс Эш (Felix Esch) изучал в Кельне общественные науки, социальную психологию и политологию, а с осени 2018 года работает в отделе «Анализ международной политики» Фонда им. Фридриха Эберта в Берлине.